

На Хакой-Аламѣ на Кавказѣ.

Изъ записной книжки.

подъѣзда раздалось громкое ржанье какой-то лошади, вслѣдъ за этимъ голосъ солдата: «но! шали!» Мы съ закинутыми за спину ружьями вышли разбирать лошадей. Въ воздухѣ становилось холоднѣе, лошади стояли какъ-то спокойно: вертѣлись, фыркали, били копытомъ и видимо были чѣмъ-то недовольны; одна только, — лошадь Беци, самымъ хладнокровнѣйшимъ образомъ, стоя у плетня, грызла сухую вѣтку.

— Ну ѣдемъ, ѣдемъ! торопилъ Михаилъ Михайловичъ, сидя на рыженькомъ иноходцѣ, который по своему маленькому росту совсѣмъ не соотвѣтствовалъ высокому капитану. Никифоръ Ивановичъ, взявъ охотничій рогъ хотѣлъ разбудить объятыхъ пріятнымъ сномъ Ш-евцевъ. Раздались пріятные для охотника звуки рога, которые какъ бы постепенно удалялись вмѣстѣ съ прекращеніемъ игры и глухо откликались эхомъ въ дали. Все спало, никто не подавалъ знать о своемъ бодрствованіи, кромѣ дворовыхъ собакъ, которыя подняли такой лай, будто къ каждому во дворъ явились за добычей непрошенные гости, а нѣкоторыя, должно быть, съ тонкимъ музыкальнымъ ухомъ, не вытерпѣли и стали акомпанировать охотничьему рогу непріятнымъ завываньемъ.

Было уже половина третьяго, когда небольшая охотничья кавалькада была за крѣпостными воротами и поднималась на гору Хакой-Аламъ.

Показавшаяся луна слабымъ свѣтомъ своимъ освѣщала каменистую дорогу, которая при солнечномъ свѣтѣ не была такъ красива, какъ теперь: узкою бѣлою лентой тянулась

она зигзагами въ гору, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перерѣзанная промоинами. Отъ орѣховыхъ деревьевъ и густой травы, росшихъ по обѣ стороны дороги, вѣяло свѣжимъ, слегка сыроватымъ и въ то же время сильно пропитаннымъ горькимъ орѣховымъ запахомъ. Тяжело было подыматься лошадямъ въ гору, везя на спинахъ своихъ неугомонныхъ всадниковъ, которыхъ частенько беспокоили нависшія надъ дорогой вѣтки деревьевъ. Только въ глухую и позднюю осень мелко и тихо идущій дождь могъ бы, кажется, столько оставить воды на листьяхъ, такъ сильно онѣ были смочены предразсвѣтной росой.

Нагайкою ли заденешь, или захочешь отвести нависшую надъ головой вѣтку, какъ моментально обливаешься росой, крупныя капли которой, попадая за воротникъ, заставляютъ невольно ежиться.

А вотъ и поляна, поросшая густою высокою травой. Съ нея можно было видѣть и III—евцевъ., но густой туманъ какъ бѣлою скатертью покрылъ все внизу; чуть сѣроватое облачко иногда покажется на бѣлой поверхности и сейчасъ же старается уйдти въ глубь, его смѣняетъ второе, затѣмъ третье и вновь совершенно бѣлая поверхность заколышется, и какъ валъ морской, ударяясь о горы, разбивается вдребезги и опять уходитъ внизъ.

Сухая вѣтка какого-то стараго дерева какъ бы вынырнула на поверхность и въ бѣлыхъ облакахъ опять стала скрываться.

По совѣту Михаила Михайловича, мы не долго оставались, а слѣзли съ лошадей, рѣшили по густой травѣ пѣшкомъ, ведя въ поводу лошадей, подыматься въ гору.

Темно-зелеными лентами оставались позади насъ полосы на побѣлѣвшей отъ росы густой травѣ. Мы положительно смокли и прозябли, пока добрались до первой вершины. Становилось свѣтлѣе. Вершины южныхъ и западныхъ горъ окрасились въ какой-то блѣдно-огненный цвѣтъ, постепенно переходящій въ совершенно розовый, сейчасъ же смѣнившійся фіолетовымъ, затѣмъ радужнымъ и наконецъ какъ бы омывшіяся ярко зеленыя горы предстали въ полной красѣ своей навстрѣчу восходящему солнцу.

Аргунское ущелье было еще въ тѣни. Шумящій Аргунъ и гладкая каменистая дорога узкими бѣлыми лентами тянулись вдоль всего ущелья, изрѣдка скрываясь, утопая въ зелени. Вотъ показалась и слобода В., бѣлая церковь которой рѣзко выдѣлялась на зеленомъ фонѣ, а вызолоченный крестъ ярко отражалъ лучи восходящаго солнца.

— Прясловъ, назначь тамъ людей въ гай, да пусть отправляются, сигнала не будетъ. Какъ гайщиковъ разставляютъ, такъ сейчасъ пусть и двигаются.

— Ну съ Богомъ, съ Богомъ!—проговорилъ Михайлъ Михайловичъ.—А намъ, отцы родные, тоже слѣдовало бы двинуться.

Выкуривъ по папиросѣ и отдавъ лошадей, мы отправились въ засаду. Балку, которую мы занимали, называли оленьей, потому что раньше въ ней было много оленей и ланокъ.

Разобрали мѣста, стоимъ, у всякаго вниманіе напряжено: малѣйшій шорохъ заставляетъ прислушиваться. Пролетѣла сойка, крикнула, сѣла на тонкую вѣтку и градомъ полилась съ листьевъ роса. Гай не начинался; сырой и холодный воздухъ пронизывалъ насквозь.

Ба-бацъ!.. раздался вдали громкій выстрѣлъ гайщика, нѣсколько разъ отражаясь эхомъ въ глубокой балкѣ. Труба, крики, выстрѣлы, все сливалось въ какой-то шумъ, а слабый вѣтерокъ, какъ бы привлекая къ общей тревогѣ, заколыхалъ вершины деревьевъ. Тявъ! тявъ! тявъ!.. залилась попавшая на слѣдъ Дубровка, ей отозвался Баритонъ, затѣмъ Добывайчикъ и пошло...

— Стрѣлай!.. стрѣлай!.. кто-то ясно прокричалъ изъ гайщиковъ.

Гафъ! гафъ! гафъ!.. раздался вправо отъ меня голосъ Громилы; ясно было, что онъ шелъ по зрячему; слышно было и Заливая.—Тара! Тара! Та—ра!.. трубилъ Марарица, ободря собакъ; свора дружно подхватила и трудно было разобрать голоса въ отдѣльности.

Тахъ! рѣзкій выстрѣлъ раздался влѣво отъ меня и собаки смолкли. Тахъ! тахъ! подъ рядъ два выстрѣла и голосъ Михаила Михайловича «стрѣлай! стрѣлай!» повторился вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ.

Стрѣлялъ Никифоръ Ивановичъ въ давно уже убитого медвѣдя, который, идя изъ балки, вышелъ на солдата Коломійцева; онъ то и повалилъ его первымъ выстрѣломъ изъ Крынка, прямо въ лобъ. Убитый медвѣдь пошелъ кувыркомъ по щебневатому откосу. Разсчитывая, что медвѣдь раненъ, по немъ продолжали стрѣлять всѣ, мимо кого онъ катился, пока не остановился у ногъ уже поблѣднѣвшаго Никифора Ивановича.

— Вотъ такъ машина?! Убилъ, убилъ!—торопливо звалъ меня Никифоръ Ивановичъ.

Я подошелъ. Около убитого медвѣдя ворочался Михайлъ Михайловичъ, разсматривая раны убитого, и былъ очень доволенъ своимъ удачнымъ выстрѣломъ въ шею, которая была сильно изуродована разрывною пулей штуцера.

— Труби собакъ!—кричалъ Михайлъ Михайловичъ, а мы, отцы родные, пойдемте-ка заложимъ другой гай.

Солнце уже было высоко, когда мы подъ густымъ деревомъ на буркахъ расположились закусить. Въ воздухъ стало довольно жарко и только изрѣдка проносилась струя сыроватаго и еще не согрѣтаго воздуха, которая сейчасъ же смѣнилась теплотой.